

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В БЕЛАРУСИ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

ОБЩИЕ МЕРЫ | ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА | КЛЮЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРУКТУР

Беларусские власти признали БХК и ряд других правозащитных организаций так называемыми «экстремистскими формированиями».

Хранение и распространение материалов организации создает риски для людей, находящихся в Беларуси или планирующих поездку в страну.

Пожалуйста, учитывайте это при обращении с данным материалом.

Обзоры «Права человека в Беларуси: основные тренды государственной политики» выпускаются при поддержке Европейского союза и Konrad-Adenauer-Stiftung Belarus. Содержание обзоров отражает взгляды и мнения авторов и не обязательно отражает взгляды или официальные позиции Европейского союза или Konrad-Adenauer-Stiftung Belarus. Ответственность за содержание несут исключительно авторы.

**Co-funded by
the European Union**

| ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РЕЗЮМЕ	6
I. ОБЩИЕ МЕРЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СТРАТЕГИИ, ПОЛИТИКИ, В ЦЕЛОМ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНЕ	10
Расширение легализации системных репрессий	10
• Усиление контроля за сотрудниками силовых ведомств и дипломатами	10
• Усиление контроля за передвижением граждан через ограничение доступа к информации	12
• Усиление контроля за гражданским обществом	13
Давление в сфере образования	15
• Усиление идеологического контроля за индивидуальной образовательной деятельностью (неформальное образование)	15
• Расширение возможностей досмотра несовершеннолетних в учреждениях образования	16
Расширение возможностей произвольного доступа государства к персональным данным / вмешательство в частную жизнь	18
• Расширение перечня данных, которые клиент обязан предоставить банку: обязательна геолокация	18
• Анонсирован закон об обязательной регистрации ДНК	19
Социальные и экономические права: ограничения в сфере пенсионного обеспечения как часть репрессивной политики	21
II. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ГРАЖДАНСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА	22
Массовое преследование за связь с ЕГУ	22
«Спрятанные репрессии»	23
Новые практики преследования	23

| ВВЕДЕНИЕ

Ситуация с правами человека в Беларуси остается предметом мониторинга и анализа со стороны белорусских международных НГО и международных организаций. С 2012 г. действует [мандат Специального докладчика](#) по ситуации с правами человека в Беларуси. Также обзоры предоставляются в рамках альтернативных докладов гражданского общества в договорные органы, контролирующие выполнение основных конвенций ООН в области прав человека, а также в [докладах](#) самих этих органов. В связи с необоснованным применением силы, пытками в отношении мирных протестующих против сфальсифицированных выборов в 2020 году и последовавшими за ними репрессиями в марте 2021 г. был учрежден специальный [Мандат по ситуации в Беларуси](#) под эгидой Верховного комиссара ООН, который в 2024 г. был [изменен](#) на группу независимых экспертов, что означает большую самостоятельность и независимость этого механизма.

С 2019 года БХК рассчитывает [Национальный индекс по правам человека](#), в рамках которого более 40 белорусских экспертов оценивают изменения отдельно по каждому праву каталога прав человека. Белорусские НГО регулярно делают профильные мониторинги ситуации с правами человека, исходя из своей специализации.¹

Сначала события 2020 года, позже война в Украине и соучастие Беларуси в российской агрессии существенно изменили положение в стране, в том числе политику и практику в сфере прав человека. Ситуация постоянно усугубляется: ежедневно становится известно об изменениях законодательства, инициативах властей,² конкретных нарушениях и т.д. В этом потоке информации **сложно удержать фокус внимания**, размывается граница между главным и неглавным.

Чтобы не пропустить наиболее значимые события, лучше понимать ситуацию в Беларуси и куда движется государство в контексте верховенства права и прав человека, мы отслеживаем **наиболее значимые и качественные изменения основных трендов государственной политики в сфере прав человека**.

Для этого с июля 2023 года Белорусский Хельсинкский Комитет выпускает периодический обзор. Его цель – представлять наши экспертные оценки **наиболее значимых и качественных изменений в тенденциях белорусской государственной политики** в области прав человека и реакциях на нее международного сообщества за отчетный период по трем направлениям:

¹ См., в частности, Аналитические обзоры ситуации с правам человека, которые готовит ПЦ «Весна»: <https://spring96.org/ru/publications>; Обзоры ситуации со свободой ассоциаций и организациями гражданского общества Республики Беларусь, которые делает Lawtrend: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/ezhegodnyj-monitoring>; мониторинги и Электронные бюллетени СМИ в Беларуси, которые делает БАЖ: https://baj.media/ru/aglyady_category/monitoring-bazh/ и др.

² Мы подразумеваем, что нынешние власти в Беларуси являются властями де-факто.

- *общие меры*: системные вещи — законодательство, стратегии, политики, в целом определяющие условия и предпосылки реализации прав человека в стране;
- *правоприменительная практика*: тенденции нарушений гражданских и политических, социальных, экономических и культурных прав;
- *ключевые решения и реакции международных структур*, связанные с ситуацией с правами человека в Беларуси.

Наша аналитика помогает лучше понять тренды в области прав человека в Беларуси (для международных партнеров – в принципе лучше ориентироваться в белорусской повестке), дает возможность отслеживать системные и качественные изменения ситуации, расширять правочеловечный фокус аналитики в смежных областях (политической, экономической, социальной и др.), будет полезна для выработки стратегий и позиций.

Обзор выходит с 2023 г. В 2023 г. - 2 выпуска (за каждое полугодие), в 2024 и 2025 гг. - раз в квартал (по итогам каждых 4-х месяцев). Предыдущие выпуски и сводную аналитику за каждый год можно найти [здесь](#).

Вы можете подписаться на наш обзор [здесь](#).

ПОДПИШИТЕСЬ НА СЛЕДУЮЩИЙ
ВЫПУСК ТРЕНДОВ НА
TRENDS.BELHELCOM.ORG

РЕЗЮМЕ

- Общий и очень яркий тренд мая-августа 2026 на уровне политики государства: **усиление контроля, в том числе для формализации все большего количества внесудебных инструментов для репрессий**. Несмотря на и так жесткие меры идеологического и иного контроля, существенно формализованные за последние 5 лет, за отчетный период государство приняло (или озвучило намерение принять) целый набор новых контролирующих мер:
 - меры идеологического контроля за силовиками и дипломатами, организациями гражданского общества, в сфере неформального образования (репетиторы);
 - контроль за передвижением граждан;
 - административный контроль в учреждениях среднего образования / секьюритизация образовательной среды (контроль за несовершеннолетними);
 - идентификационный и биометрический контроль;
 - цифровой контроль;
- Принят новый Указ президента № 230 «О вопросах прохождения военной службы, службы в военизированных организациях». Во-первых, он закрепляет неправовой внесудебный механизм постслужебного контроля и потенциального исключения человека из определённого сегмента профессиональной жизни, то есть формализует нарушение права на труд и очередные дискриминационные положения. Во-вторых, наделяет военизированные организации и МИД новыми не свойственными контрольными полномочиями - надзирать за исполнением наказания.

Трудоустройство шести категорий служащих, уволенных «по дискредитирующим обстоятельствам» в течение 5 лет будет контролироваться для того, чтобы эти люди не могли попасть на руководящие должности не только в государственные, но и частные организации. Это касается военнослужащих, сотрудников органов финансовых расследований КГК, Следственного комитета, органов внутренних дел, органов по чрезвычайным ситуациям и дипломатов. Ни сам широкий и оценочный перечень «дискредитирующих обстоятельств», ни 5-летний срок контроля, ни распространение нормы на частный сектор, не имеют

разумного правового обоснования и представляет собой дополнительный репрессивный внесудебный инструмент.

- Законные формы и пространство деятельности гражданского общества и самоорганизации практически полностью уходит под государственный контроль. Каждый новый правовой акт в этой сфере максимально сужает возможность легального существования ОГО, не являющихся полностью лояльными государству. Приняты новые правила регистрации частных учреждений и ассоциаций (собственники учреждения и члены ассоциации теперь должны согласовываться с КГБ); специальная нормативная рамка (отдельный закон) готовится в отношении волонтерства; готовятся изменения в регулирование профсоюзов.
- Две меры, принятые в сфере образования - создание реестра репетиторов и частных педагогов и расширение полномочий по досмотру несовершеннолетних в учреждениях образования без присутствия родителей - продолжают последовательное движение государства в сторону монополизации сферы образования и усиления контроля над детьми. При формальном прикрытии риторикой защиты несовершеннолетних в совокупности обе меры демонстрируют не столько заботу о безопасности и благополучии детей, сколько выстраивание инструментов дисциплинарного и идеологического контроля как над взрослыми, работающими с детьми, так и над самими детьми.
- Государство продолжает принимать новые меры для ограничения доступа к цифровым услугам (вопреки заявленному тренду на цифровизацию). Изменен порядок предоставления сведений из банка данных о гражданах, которым временно ограничили выезд из Беларуси. Если ранее такие сведения можно было получить через личный кабинет в системе МВД, то теперь они предоставляются только лично гражданину или его законному представителю. Во-первых, это очередной случай закрытия доступа к информации, важной в контексте репрессий (так же как и закрытие в 2025 доступа к онлайн расписанию судебных заседаний). Во-вторых, эта мера снижает доступность и оперативность получения гражданином информации о собственном правовом статусе, в репрессивном контексте создает дополнительный риск и может сдерживать человека от выяснения своего правового статуса и планирования безопасных действий. В-третьих, это также форма трансграничных репрессий, так как вынужденно уехавшие или принудительно вывезенные люди не могут получить информацию о своем статусе (например, случай вывезенного в декабре 2025 правозащитник Владимир Лабкович).

- Расширяется легализация использования различных систем идентификации и отслеживания человека: от биометрических и генетических идентификаторов до цифровых данных о гаджетах и местоположении. Хотя эти механизмы имеют различные заявленные цели и правовые режимы, их объединяет увеличение объёма информации, позволяющей государству идентифицировать человека. Постепенное сужение пространства анонимности в условиях авторитарного режима во-первых, делает особенно уязвимым тех, кто находится в группе риска политического преследования как внутри страны, так и за её пределами, а, во-вторых, создает устойчивую инфраструктуру контроля, которая может быть использована произвольно вне зависимости от первоначально заявленных целей.
- Все дальше формализуется давление через социальные и экономические права на людей, вынужденно находящихся за границей. К основаниям для лишения пенсии за особые заслуги добавлено новое - проживание за границей. Такое самостоятельное основание устраняет даже видимость связи между лишением пенсии и конкретным «деянием». Теперь наказуемым становится сам факт нахождения вне страны, что превращает эту меру в инструмент трансграничных репрессий и давления на уехавших, имеющих особое влияние и социальное положение.
- Преследование в связи с признанием ЕГУ «экстремистской организацией», которое началось в июне 2026, хорошо иллюстрирует на практике общий тренд «сопутствующих репрессий» (приемлемых сопутствующих потерь при репрессиях), сформулированный нами в предыдущем обзоре: стремясь сделать еще более неудобной жизнь «политически неблагонадежных», принимаемые меры прямо затрагивают, поражают в правах или подвергают риску репрессий широкий круг людей, включая тех, кто не имеет никаких политических шлейфов. По [данным](#) ПЦ «Вясна» по состоянию на 17 августа известно как минимум о 175 пострадавших от такого преследования (110 студентов и их родственники) и как минимум о 60 обысках. К людям приходят по факту обучения в ЕГУ, а также по факту оплаты за учебу.
- В контексте практически полного сокрытия государством информации, по которой можно делать вывод об объеме и интенсивности политического преследования, особо виден кризис традиционных методов мониторинга. Это, в свою очередь, влияет на то, какой объем информации получает международное сообщество и на какой основе строится представление о происходящем в Беларуси. В июне 2026 г. ПЦ Вясна подготовила [доклад](#) «Спрятанные репрессии» с анализом того, как менялся характер прямых форм преследования и доступность информации об этом с 2020 по 2026.

- Из новых практик преследования можно выделить: раздевание при прохождении границы; первые случаи применения статьи 19.4 КоАП о «пропаганде ЛГБТК». Напомним, БХК делал подробный [анализ](#) этого нововведения; давление через КГБ на студентов, которые учатся в Польше или оформляют документы для выезда на обучение; активизация попыток сотрудников КГБ выйти на прямой контакт с беларусами, живущими за рубежом, через их родственников, живущих в Беларуси.

I. ОБЩИЕ МЕРЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СТРАТЕГИИ, ПОЛИТИКИ, В ЦЕЛОМ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНЕ

ГЛАВНОЕ:

- Новые правила регистрации двух форм ОГО: частных учреждений и ассоциаций (собственники учреждения и члены ассоциации теперь должны согласовываться с КГБ);
- Новые инструменты дисциплинарного и идеологического контроля как над взрослыми, работающими с детьми, так и над самими детьми;
- Новые внесудебные инструменты для репрессий: контроль над силовиками и дипломатами;
- Очередное закрытие доступа к цифровым услугам и информации, важной в контексте отслеживания репрессий.

РАСШИРЕНИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ СИСТЕМНЫХ РЕПРЕССИЙ

1. Усиление контроля за сотрудниками силовых ведомств и дипломатами

9 июля 2026 г. принят [Указ президента №230](#) «О вопросах прохождения военной службы, службы в военизированных организациях». Он закрепляет дополнительные меры контроля в отношении шести категорий служащих, уволенных по «дискредитирующим обстоятельствам»: военнотружущие, сотрудники органов финансовых расследований КГК, Следственного комитета, органов внутренних дел, органов по чрезвычайным ситуациям и дипломатов. Примечательно, что дипломатическая служба также отнесена к службе «в военных или военизированных организациях».

В соответствии с нововведением, организации, где возможна такая служба, должны не реже одного раза в полугодие в течение 5 лет мониторить сведения о трудоустройстве таких людей. Сведения для мониторинга таким организациям предоставляются ФСЗН. Если они выявляют их трудоустройство на руководящие должности в государственные и частные (!) организации, они должны сообщить об этом в местные исполнительные власти «для принятия мер реагирования в соответствии с законодательными актами».

Этим же Указом внесены изменения в шесть соответствующих положений, определяющих порядок прохождения упомянутых видов службы и определены основания увольнения, которые будут считаться «дискредитирующими обстоятельствами». Для военных и силовых ведомств эти основания примерно одинаковые. Среди них лишение званий (для военных), уголовное преследование, прекращение/отказ в допуске к государственным секретам и гос. тайне (в том числе из-за отказа дать согласие на проверку), служебное несоответствие.

С дипломатами несколько иная ситуация. Для них «дискредитирующими обстоятельствами» увольнения будет совершение проступка, несовместимого с нахождением на дипломатической службе; отзыв дипломатического работника из-за объявления персоной нон грата в государстве пребывания либо совершения дипломатическим работником деяния, влекущего уголовную либо административную ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь или государства пребывания. А также из-за совершения такого же деяния членом семьи; нарушение требований законодательства о государственных секретах, а также о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения, если это повлекло разглашение либо утрату государственных секретов или служебной информации ограниченного распространения либо создало предпосылки для этого. То же самое относится и к административно-техническому персоналу.

Само по себе выделение отдельных обстоятельств увольнения в особую группу не противоречит правовой логике. Однако, запрет занимать определенные должности (за редким исключением) - форма наказания, которая может накладываться только судом. Указ №230 создаёт серьёзные риски нарушения права на равный доступ к государственной службе, права на труд и принципа недискриминации (несмотря на то, что речь идет только о руководящих должностях).

Во-первых, к «дискредитирующим обстоятельствам» увольнения относится очень широкий круг обстоятельств, ряд из которых носят оценочный характер. Они не соотносимы по тяжести и серьезности. В один ряд поставлены уголовное преследование, дисциплинарные основания и независящие от воли человека

обстоятельства (признание персоной нон-грата может быть зеркальной реакцией принимающего государства).

Во-вторых, не имеет разумного обоснования пятилетний срок контроля, который также применяется одинаково вне зависимости от серьезности основания.

В-третьих, абсолютно несвойственные им функции контроля за трудоустройством возлагаются на военизированные организации и МИД, которые таким образом начинают выполнять функции МВД в части контроля исполнения наказания.

В-четвертых, контроль за трудоустройством осуществляется и применительно к частному сектору, что вообще выводит его из логики контроля за госслужбой и является вмешательством как в право на свободу выбора труда, так и в частный сектор рынка труда.

Таким образом, Указ закрепляет внесудебный механизм ограничения в трудовых правах, возлагая постслужебный контроль за гражданской жизнью на военизированные организации.

В контексте, характеризующемся систематическим использованием увольнений и ограничений доступа к профессиям как инструмента политической фильтрации, данный механизм потенциально может использоваться для кадровой чистки и запугивания: это перспектива не просто быть уволенным и уйти с госслужбы, а быть уволенным без возможности делать карьеру и свободно выбирать место работы соответственно карьерным запросам в принципе.

2. Усиление контроля за передвижением граждан через ограничение доступа к информации

Государство продолжает принимать новые меры для ограничения доступа к цифровым услугам (вопреки заявленному тренду на цифровизацию) и информации. 20 июля 2026 г. принят [Указ президента](#) «О банке данных о гражданах Республики Беларусь, право на выезд которых из Республики Беларусь временно ограничено». Им изменен порядок предоставления сведений из банка данных о гражданах, которым временно ограничили выезд из Беларуси. Если ранее такие сведения можно было получить онлайн через личный кабинет в системе МВД, то теперь они предоставляются только лично - гражданину или его законному представителю (в последнем случае помимо своего документа, нужно предоставить документ, удостоверяющий личность того, о ком испрашиваются сведения). Соответственно, после этого с сайта МВД [пропала](#) функция онлайн проверки запрета на выезд.

Во-первых, это очередной случай закрытия доступа к информации, важной в контексте репрессий (так же как и закрытие в 2025 г. доступа к онлайн расписанию судебных заседаний).

Во-вторых, такая мера снижает доступность и оперативность получения гражданином информации о собственном правовом статусе. Это в том числе необходимо для эффективной защиты своего права на выезд. Если государство технически способно предоставить человеку информацию дистанционно, то возникает логичный вопрос: почему для получения информации о собственном статусе гражданина теперь требуется его личное присутствие?

В репрессивном контексте, для человека, который опасается произвольного политического преследования и хочет заранее узнать есть ли у него запрет на выезд именно для того, чтобы иметь полную картину о своем положении и быть в состоянии предпринять какие-то меры, сам факт необходимости личного обращения в МВД может иметь дополнительный риск и, соответственно, сдерживающий эффект.

В-третьих, это также форма трансграничных репрессий, так как вынужденно уехавшие или принудительно вывезенные люди не могут получить информацию о своем статусе ([например](#), случай вывезенного в декабре 2025 г. правозащитника Владимир Лабкович).

3. Усиление контроля за гражданским обществом

За май-август 2026 г. приняты или предложены в качестве проектов ряд норм, закручивающих очередной виток жесткого контроля за гражданским обществом.

Во-первых, 1 июня 2026 г. принят новый [закон](#) «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования». Он вступает в силу с 1 июля 2027 г. Новый закон впервые вводит особое формализованное правило о согласовании для:

- государственной регистрации частного учреждения, ассоциации (союза),
- изменений, вносимых в устав частного учреждения, связанных с изменением собственника имущества частного учреждения.

Регистрирующий орган теперь должен направлять запрос «в государственный орган, уполномоченный на осуществление мер по предупреждению и выявлению угроз национальной безопасности» на предмет того, создает ли деятельность собственника имущества частного учреждения, члена ассоциации, представивших документы на регистрацию, угрозу национальной безопасности. Положительный ответ такого органа основание для отказа в регистрации (ст.ст. 25-26).

Закон не называет такой орган прямо, однако, основным органом, отвечающим за обеспечение национальной безопасности в Беларуси является КГБ.

Проще говоря, теперь люди, которые, по мнению КГБ «представляют угрозу безопасности», не смогут зарегистрировать юридическое лицо в форме частного учреждения и ассоциации (союза). В последнем случае, проверке подлежат все члены. Для сравнения - предыдущий акт, регулирующий эти вопросы **предусматривает** для учреждений и ассоциаций проверку преимущественно формального характера, включая подтверждение того, что собственник имущества учреждения или руководитель не состоит на профилактическом учете в соответствии с законодательством о профилактике правонарушений.

Lawtrend **подчеркивает**, что вводится дополнительный критерий оценки, связанный не с соответствием документов установленным требованиям, а с оценкой обстоятельств, относимых к угрозам национальной безопасности. При этом закон не раскрывает содержание соответствующих обстоятельств, критерии их оценки, порядок проверки такой информации и процессуальные гарантии ее оспаривания.

При этом важно отметить, что именно эти формы ОГО - частное учреждение и ассоциация - традиционно были формами с облегченной формой регистрации, близкой к заявительному порядку, в сравнении с другими формами: общественным объединением, профсоюзом, фондом и политической партией.

Соответственно, новая норма формализует и так практически неограниченную фактическую возможность КГБ контролировать организации гражданского общества. Такая формализация систематизирует репрессии, устраняя любые имеющиеся хотя бы формальные возможности избежать такого контроля (то есть теперь КГБ законодательно обязан делать то, что раньше было возможной практикой). Таким образом, государство как бы «затыкает дыры» в репрессивной системе и устраняет любую даже формально имеющуюся возможность поместить организацию гражданского общества в легальное поле в Беларуси если та не является безукоризненно лояльной государству.

Подробный анализ Lawtrend нового закона описывает и иные новые ограничения.

Во-вторых, подготовлен проект закона «Об изменении законов по вопросам деятельности профессиональных союзов». На сайте Минюста **отмечается**, что в законопроекте комплексно урегулированы вопросы, касающиеся прав профсоюзов в различных областях, принципов их деятельности, взаимодействия с государственными органами, а также закреплены положения о создании и

деятельности профсоюзов, их представительности и полномочиях по защите прав трудящихся граждан, гарантиях членов профсоюзов.

В-третьих, [готовится](#) концепция закона о волонтерской деятельности. По словам чиновников, закон будет разграничивать понятия «волонтер» и «доброволец». Также в новом законе хотят уйти от необходимости создания единой базы волонтеров, чтобы в будущем не пришлось заниматься бюрократией и формализмом и обещают, что работа волонтеров не будет усугубляться и чрезмерно регламентироваться.

В обоих последних случаях тексты проектов пока не доступны, поэтому невозможно комментировать конкретные положения. Однако, учитывая недавнюю практику с изменением законодательства об общественных объединениях, политических партиях, религиозных организациях, приведших к необходимости их перерегистрации, отметим общую тенденцию формализации перевода всех форм гражданского общества на «ручное управление» и государственный контроль. Предполагая, что два новых закона также на это направлены, тем не менее, будем делать подробный анализ после публикации текстов.

ДАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

[1. Усиление идеологического контроля за индивидуальной образовательной деятельностью \(неформальное образование\)](#)

В мае 2026 г. на общественное обсуждение вынесен [проект](#) Постановления Совмина «О реестре физических лиц, осуществляющих самостоятельную профессиональную деятельность по обучению детей». Предлагается создать государственный реестр физических лиц, осуществляющих самостоятельную профессиональную деятельность по обучению детей (касается только оказания услуг несовершеннолетним). Это означает, что легально заниматься репетиторством и частным обучением сможет только человек, включенный в этот реестр, по сути - одобренный государством.

Физическое лицо, ходатайствующее о включении в реестр, не должно иметь ограничений на работу с детьми в соответствии со ст. 27-1 Закона о правах ребенка. При этом, в июле 2025 г. в Закон о правах ребенка были внесены изменения, которые как раз добавляют в стандартный перечень составов, при наличии судимости по которым человек не может занимать педагогическую должность - «преступления экстремистской направленности». Это подразумевает весьма

широкий круг составов и перечень действий, которые активно используются властями для произвольного преследования по политическим мотивам. Департамент контроля качества образования Минобразования, который будет вести реестр, обязан будет запросить сведения о каждом кандидате в МВД.

Примечательно, что согласно проекту предполагается, что работник департамента, ответственный за ведение реестра, единолично будет принимать решение (о включении человека в реестр либо отказе) на основе полученных сведений. Человек, включенный в этот реестр, обязан уведомить Департамент о возникновении у него ограничений на работу с детьми не позднее трех рабочих дней с момента их возникновения. Реестр предполагается быть публичным. Процедура обжалования отказа во включении в реестр или исключения из реестра не предусмотрена.

В **обосновании** к проекту указывается, что его цели - защита несовершеннолетних и систематизация информации о людях, оказывающих такие услуги. При этом, указывается, что такой реестр позволит оградить детей от услуг людей, осужденных за перечень статей, указанных в ст. 27-1 Закона о правах ребенка, включая «преступления экстремистской направленности».

Таким образом государство планомерно движется к тотальной монополизации образования: за последние 5 лет полностью уничтожено частное формальное образование (закрыты почти все частные школы и детские сады), введен запрет на онлайн обучение в зарубежных школах для детей, проживающих в Беларуси (см. наш анализа за **май-август 2025**). Теперь государство движется к установлению полного контроля над индивидуальной образовательной деятельностью. В марте 2025 г. (см. анализ за **январь-апрель 2025**) на обсуждение было вынесено еще одно Постановление Совмина, существенно и необоснованно ограничивающее в правах самозанятых, работающих в сфере образования (репетиторство, кружки, студии). Предлагаемый реестр еще больше дискриминирует и внесудебно ограничивает в свободе выбора труда человека, который мог быть осужден по политическим мотивам.

2. Расширение возможностей досмотра несовершеннолетних в учреждениях образования

В июне 2026 г. опубликовано **Постановление** Совмина № 307 «Об осуществлении охранной деятельности». Оно начнет действовать с 1 сентября. Помимо прочего, оно вносит изменения в правила досмотра (личного, вещей, документов) несовершеннолетних. Ранее несовершеннолетних можно было досматривать

только в присутствии родителей или законных представителей. Теперь из этой нормы есть исключение: досмотр допускается в учреждении образования в присутствии педагогического работника.

Начальник Департамента охраны МВД **говорит** о том, что принятие данной нормы продиктовано изучением зарубежного опыта. Он подчеркивает, что обновленный порядок не означает, что всех детей перед входом в школу будут досматривать: «Мы прекрасно знаем, на кого из учеников нужно обратить особое внимание, получаем эту информацию от педагогов и сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних».

Сама по себе возможность досмотра школьной охраной может быть адекватной мерой для обеспечения безопасности в ряде случаев, однако это не может рассматриваться априори как норма. Такие изменения в отношении детей создают условия для произвольного вмешательства в их право на личную неприкосновенность и частную жизнь, унижения их достоинства и дискриминационного отношения.

Во-первых, педагог не является законным представителем ребёнка. Его присутствие обеспечивает присутствие другого взрослого, но не обязательно независимую защиту интересов ребёнка. Особенно учитывая нынешний идеологический контроль за педагогами и контроль педагогов за детьми, пояснения представителя МВД о том что они получают информацию от педагогов относительно того, на какого ребенка стоит обратить внимание, звучат очень двойственно. Таким образом, ребенок ставится государством в заведомо уязвимую ситуацию. Это очевидно противоречит принципу учета наилучшего интереса ребенка - центрального принципа в стандарте защиты прав детей.

Встает вопрос о процессуальных гарантиях ребёнка при вмешательстве государства. Почему для достижения целей безопасности обязательно нужно лишать ребёнка гарантии присутствия родителя?

Во-вторых, ситуацию усугубляют весьма размытые основания для досмотра. Речь не идет лишь о необходимости найти стандартные запрещенные предметы, о том, что нельзя выносить или приносить в школу. Речь идет и о «вещах, являющихся орудием или непосредственным объектом противоправных посягательств, а также соответствующих документов». Учитывая «экстремистское законодательство» к таковым может относиться ряд вещей личного пользования.

Таким образом, досмотр становится не мерой безопасности, а очередным инструментом дисциплинарного и идеологического контроля над детьми.

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОИЗВОЛЬНОГО ДОСТУПА ГОСУДАРСТВА К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ / ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ.

За последние пару лет постоянно расширяется законодательство, создающие механизмы вмешательства государства в право на неприкосновенность частной жизни. Появляются дополнительные возможности для политически мотивированного преследования. Это проявляется в двух аспектах: во-первых, прямое предоставление силовым органам неограниченного доступа к целому ряду источников личной информации. Во-вторых, меры, прямо не связанные с предоставлением доступа силовым органам, но сами по себе не отвечающие стандарту прав человека и потому создающие потенциальные возможности для цифровой слежки. Формально это обосновывается легитимными целями (обеспечением безопасности, борьбой с преступностью), но по сути принимаемые нормы и ограничения не пропорциональны и не обеспечены необходимыми процессуальными гарантиями.

Так, в анализе за [январь-апрель 2024 г.](#) и [май-август 2025 г.](#) мы рассматривали законодательные изменения в сферах перевозки пассажиров, банковских операций, почтовых отправок и в целом информационных ресурсов, содержащих персональные данные, которые позволяют государству (в том числе силовым органам) иметь бесконтрольный, и в некоторых случаях удаленный доступ к персональным данным человека и вмешиваться в его частную жизнь без должных процедурных (судебных) гарантий.

В отчетный период появились очередные законодательные нововведения и озвучиваемые должностными лицами намерения относительно таких мер.

1. Расширяется перечень данных, которые клиент обязан предоставить банку: обязательна геолокация

Нацбанк [указывает](#), что с 1 июля 2026 г. для белорусских банков введен стандарт «Цифровой отпечаток устройства». Стандарт предусматривает сбор, хранение и анализ цифрового отпечатка устройства, а в него входит, в частности, информация о местоположении устройства. Это значит, что для того, чтобы пользоваться услугами дистанционного обслуживания **клиент обязан разрешить банку получать сведения о его геолокации**. Без этого будет невозможно пользоваться мобильным банкингом. Нацбанк особо подчеркивает, что данные цифрового отпечатка устройства никому не передаются и используются исключительно в антифрод-системах для противодействия несанкционированным платежам. Борьба с мошенничеством - безусловно легитимная цель ограничений и вмешательства в частную жизнь. Однако здесь возникает несколько вопросов:

Во-первых, безальтернативность меры. Если человек не предоставит свою геолокацию, он не сможет дистанционно управлять своими деньгами. В европейской практике предоставление геолокации может быть одной из опций и лишь дополнительным фактором для защиты. Кроме того, в качестве идентифицирующего фактора используется сам девайс. То есть возникает вопрос соразмерности такой меры и соображений безопасности.

Во-вторых, если учитывать белорусский репрессивный контекст и практику бесконтрольного доступа силовых органов к различным массивам данных, а также использование цифровых следов в репрессивных целях, то банковские данные становятся дополнительным источником информации о перемещениях человека и могут быть использованы для его преследования.

Озвученные Нацбанком гарантии о непредоставлении данных третьим лицам, к сожалению, не валидны в белорусских реалиях. Сложно представить ситуацию, когда банк отказывается предоставить информацию по запросу силовых ведомств.

Безусловно, само по себе такое нововведение не означает автоматической слежки, но создает ситуацию дополнительной уязвимости и «видимости» человека для государства. И особенно уязвимы люди, находящиеся в группе риска в силу политически мотивированного преследования, как внутри Беларуси, так и за рубежом (при пользовании картами белорусских банков).

2. Анонсирован закон об обязательной регистрации ДНК

Комитет государственных экспертиз (КГЭ) Беларуси **инициирует** закон об обязательной геномной регистрации граждан. По утверждению председателя КГЭ вопрос находится в стадии проработки. Очевидно, что пока нет текста проекта, сложно говорить о соответствии или несоответствии предлагаемых нововведений стандарту прав человека.

Однако, важно отметить, что такое заявление о нормотворческой инициативе коррелирует с некоторой неправовой практикой силовых ведомств в этой сфере. В августе 2025 г. **стало известно**, что в Могилевской области сотрудники силовых органов собирают генетический материал (слюну) родственников людей, уехавших из Беларуси. По словам правозащитников, предоставивших журналистам эту информацию, сотрудники РОВД сказали, что формируется база данных ДНК, чтобы, в случае необходимости, людей за рубежом «можно было опознать». По сведениям правозащитников, ДНК-материал собирают как у родственников уехавших (в том числе и журналистов), так и у осужденных по политическим обвинениям. Такая практика имеет место в разных городах

Беларуси и [длится с 2024 г.](#) Совершенно непонятно, на каком основании, по какому принципу и для чего собирается этот генетический материал.

Напомним, что согласно стандарту прав человека, в том числе практике ЕСПЧ, государство вправе создавать и использовать ДНК-реестры для предупреждения и расследования преступлений. При этом принудительный сбор и хранение генетических данных представляет собой серьёзное вмешательство в право на частную жизнь, потому они должны соответствовать требованиям законности, необходимости и пропорциональности. В соответствии с подходом ЕСПЧ основными проблемами являются всеобщий или недифференцированный характер регистрации, отсутствие связи между регистрацией и конкретным преступлением, чрезмерные или неограниченные сроки хранения, отсутствие эффективной процедуры удаления данных и недостаточные гарантии против доступа и использования информации для иных целей.

В белорусском контексте эти риски дополнительно усиливаются отсутствием эффективных независимых механизмов контроля за деятельностью правоохранительных органов, намеренным использованием законодательства для формализации политически мотивированного уголовного преследования. Поэтому вся кампания государства по сбору и хранению ДНК в первую очередь должна оцениваться с точки зрения следующих критериев: круг лиц, подлежащих регистрации, основания и порядок отбора, сроки хранения, возможности удаления и пределы доступа к базе.

В этом контексте нельзя не отметить законодательные изменения, принятые в феврале 2026 г. относительно сбора биометрической информации (анализировали это на стадии проекта в выпуске за [сентябрь-декабрь 2025](#)). Существенно расширен круг граждан подлежащих обязательной дактилоскопии. В том числе, туда входят теперь иностранные граждане, проходящие пограничный контроль, белорусы, постоянно проживающие за границей, а также получившие «вид на жительство или иной документ иностранного государства, предоставляющий право на льготы и другие преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью» (то есть преимущественно в силу политического преследования). При этом высказанное намерение о таких изменениях мы отмечали в выпуске за [сентябрь-декабрь 2024](#)). Соответственно, проект закона о геномной регистрации можно ожидать примерно через год.

В целом эта тенденция свидетельствует о расширении использования различных систем идентификации и отслеживания человека, что в контексте репрессивного механизма авторитарного государства означает расширение возможностей давления и преследования.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА: ОГРАНИЧЕНИЯ В СФЕРЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ЧАСТЬ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

В июне 2026 г. внесены **изменения** в Положение о пенсиях за особые заслуги перед Республикой Беларусь. Основания лишения пенсии дополнены следующим - постоянно проживание за пределами Республики Беларусь. При этом, интересно проследить эволюцию изменения этих оснований после 2020 г.

В 2021 г. к таким основаниям **были добавлены** «преступления, деяния, наносящие вред государственным интересам, национальной безопасности». При этом, в действующей редакции это основание звучит как «установление фактов совершения ...(независимо от привлечения к уголовной или административной ответственности)». То есть основанием не является результат законной процедуры признания человека виновным, а лишь субъективная оценка фактов. При этом, за последние 5 лет к «деяниям, наносящие вред государственным интересам, национальной безопасности» законодательно отнесен ряд политически преследуемых. В 2023 г. основания были **дополнены** еще более оценочной и политически мотивированной формулировкой «неуважительное отношение к государственным и общественным институтам, конституционному строю Республики Беларусь».

Таким образом, свежие изменения о проживающих за границей совершенно отчетливо дополняют очевидный тренд формализации исключения из круга лиц, имеющих право на особую пенсию, политически нелояльных. Помимо этого, последние изменения вносят свой вклад в корпус неправовых норм законодательства, поражающих в правах вынужденно уехавших беларусов, добавляя оснований для транснациональных репрессий.

II. ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА: НАРУШЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ

ГЛАВНОЕ:

- Усиливается латентный характер репрессий, что коррелирует с кризисом методов мониторинга;
- Активизировались попытки КГБ выйти на прямой контакт с беларусами, живущими за рубежом через их родственников, живущих в Беларуси.

МАССОВОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЗА СВЯЗЬ С ЕГУ

В апреле 2026 г. Европейский гуманитарный университет был признан «экстремистской организацией». В предыдущем выпуске ([январь-апрель 2026](#)) мы отмечали, что это первый случай с последствиями такого масштаба: сам факт наличия диплома ЕГУ (включая всех выпускников любых программ), а также любая публичная связь с ЕГУ, включая гостевые публичные лекции или встречи работодателей со студентами в рамках ярмарок вакансий может стать основанием для преследования.

Практика преследования оказалась действительно широкой, интенсивной и достаточно жесткой. Обыски и допросы начались со 2 июня. По [данным](#) ПЦ «Вясна» по состоянию на 17 августа известно как минимум о 175 пострадавших от такого давления (110 студентов и их родственники) и как минимум о 60 обысках. К людям приходят по факту обучения в ЕГУ, а также по факту оплаты за учебу. Также КГБ приходит к выпускникам ЕГУ. Фигурируют две уголовные статьи «содействие экстремистской деятельности» и «финансирование экстремистской деятельности». Силовики требуют от родителей действующих студентов связываться с детьми и требовать отчисления, студентам угрожают задержанием родителей.

Такая картина преследования хорошо иллюстрирует **общий тренд «сопутствующих репрессий»** (приемлемых сопутствующих потерь при

репрессиях), сформулированный нами в [предыдущем обзоре](#): стремясь сделать еще более неудобной жизнь «политически неблагонадежных», принимаемые меры прямо затрагивают, поражают в правах или подвергают риску репрессий широкий круг людей, включая тех, кто не имеет никаких политических шлейфов.

«СПРЯТАННЫЕ РЕПРЕССИИ»

Все более усиливается латентный характер репрессий. С этим коррелирует кризис методов мониторинга связанный с намеренным сокрытием государством большого количества информации об уголовном и административном преследовании. В июне 2026 г. ПЦ Вясна подготовила [доклад](#) «Спрятанные репрессии» с анализом того, как менялся характер прямых форм преследования и доступность информации об этом с 2020 по 2026 гг. В докладе заявляется о кризисе традиционных методов мониторинга и влиянии этого на то, какой объем информации получает международное сообщество и на какой основе строится представление о происходящем в Беларуси.

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Во-первых, в июле [стало известно](#), что примерно с весны 2026 при прохождении границы появилась новая форма давления: в некоторых случаях, от тех, у кого есть формальные следы привлечения к ответственности по «политическим основаниям», помимо просмотра телефона, требуют раздеться;

Во-вторых, правозащитники (ПЦ Вясна со ссылкой на Іншыя) [сообщают](#) о первых случаях применения статьи 19.4 КоАП о «пропаганде ЛГБТК». Напомним, БХК делал подробный [анализ](#) этого нововведения.

В-третьих, в июле 2026 [стало известно](#), что студентов, которые учатся в Польше или оформляют документы для выезда на обучение стали вызывать на беседы в КГБ, в том числе и после подачи документов на визу.

В-четвертых, нам известно, что за отчетный период особо активизировались попытки сотрудников КГБ пытаться выйти на прямой контакт с беларусами, живущими за рубежом через их родственников, живущих в Беларуси.

МЫ БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ЗА

ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ !

ПИШИТЕ НАМ НА OFFICE@BELHEL.COM.ORG